

**Материалы научной конференции
«Анархистские теории в российском революционном
движении (К 175-летию со дня рождения П. А. Кропоткина
и к 100-летию Русской революции)»,
прошедшей 25 мая 2017 г. в РХГА
в рамках XVIII Свято-Троицких ежегодных международных
академических чтений в Санкт-Петербурге**

Составитель и научный редактор
кандидат исторических наук П. И. Талеров

УДК 329.285; 94(47).084.3

Рублев Д. И.

Рублёв Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук,
доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

**АНАРХИСТСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ (1917–1918 ГГ.)**

Анархисты — одна из наиболее влиятельных политических сил Великой Российской революции (1917–1922 гг.). 1917–1918 гг. — эпоха ожесточенной политической борьбы за власть, завершившаяся установлением однопартийной диктатуры РКП(б) и формированием политической системы советского государства. Для анархистской теории в России этот период характеризуется появлением различных моделей социально-политических преобразований — радикальных и более умеренных («переходный период»). Для всех вариантов преобразовательных стратегий характерна опора на структуры общественной самоорганизации и самоуправления, возникшие в процессе революционных событий.

Ключевые слова: анархисты-коммунисты, анархо-синдикалисты, П. А. Кропоткин

Rublev D. I.

ANARCHISTIC MODELS OF SOCIAL AND POLITICAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA (1917–1918)

The anarchists are one of the most influential political forces in the Great Russian revolution (1917–1922). The period of 1917–1918 is the epoch of a fierce political push for power, which culminated in the establishment of a single-party dictatorship of the Russian Communist Party of Bolsheviks (RCPb) and entrenchment of the Soviet state political system. For the anarchist theory in Russia, this period is characterized by various models of social and political transformations, ranging from radical to more moderate (“transition period”). All the variants of transformative strategies are characterized with reliance on the entities of social self-organization and self-management that arose in the course of revolutionary events

Keywords: anarchists-kommunists, anarcho-sindikalists, P. A. Kropotkin

Во Второй Российской революции 1917–1922 гг. анархисты были одной из наиболее активных политических сил, сыгравших важную роль в подготовке свержения Временного правительства, противостоянии белогвардейцам и интервентам, а затем — в восстаниях против большевистской диктатуры. Невозможно, однако, понять логику их действий, не проанализировав модели социальных преобразований, сформулированные участниками движения в 1917–1918 гг. В это время анархисты, впервые в истории России, получили возможность легального участия в политической борьбе, их влияние стремительно росло. В этих условиях сторонники безвластия поставили на практике вопрос о воплощении своих идей в жизнь.

В середине марта — апреле 1917 г. была сформулирована теория третьей революции. Согласно этой концепции, первый этап (февраль — март 1917 г.), привел к власти буржуазию. Вторая стадия, связанная с борьбой за демократическую республику, завершится захватом власти социалистами. Они проведут аграрную реформу, меры социальной защиты рабочих, национализировать промышленность и транспорт. Затем, под руководством анархистов рабочий класс, крестьянство, солдатско-матросские массы начнут третий этап революции — захват производства федерацией органов самоуправления трудящихся. Его итогом станет установление анархо-коммунистического общества [11. с. 1; 12. с. 21; 36. с. 1–2].

Позиция П. А. Кропоткина в 1917–1918 гг. была связана с поддержкой прогрессивных реформ, объективно приближавших установление безвластного коммунистического общества. Выступая против диктатуры и политических репрессий, восстановления смертной казни, он отвергал и любые предложения об участии в правительстве. В вопросах экономических преобразований Кропоткин по-прежнему возлагал надежды на «народный почин». Важным направлением его деятельности становится пропаганда идей федерализма. В частности, он призывал превратить Россию в демократическую федеративную республику с парламентами для каждого «штата» и правом вето на решения центра со стороны регионов при максимальной децентрализации власти. Касающиеся общенационального уровня решения (по обороне, внешней политике и общенациональным предприятиям), должны были выработываться на основе «договоров провинций» [13. Л. 1; 22. с. 198, 231–232, 768–711; 23. с. 501–502, 504, 543–544, 551–552].

В апреле 1917 г. позиция анархистов стала более радикальной, чему способствовали рост антивоенных настроений трудящихся и нарастающая общественная самоорганизация. Летом 1917 г. завершилось размежевание движения на два течения: «бунтарское с широкой агитацией совместно со стихийными активными выступлениями до периода реакции и синдикалистское — представленное «Союзом анархо-синдикалистской пропаганды»» [1, с. 47]. «Бунтари» верили в стихийное восстание масс, как непосредственный путь к анархическому коммунизму [1, с. 31; 4, с. 2; 33, с. 1]. Особую позицию среди них занимали пананархисты. Концепция пананархизма А. и В. Гординых рассматривала движение к анархии, как многоступенчатый процесс. На первом этапе («юридическая анархия») следовало добиться прав на социальное изобретение, социальный эксперимент, выход из состава государства и автономную экстерриториальную организацию своей жизни коллективами и индивидами, «государственную забастовку» (отказ от военной повинности и уплаты налогов). Затем наступила бы стадия «фактической анархии», предполагавшая уничтожение государства и созидание свободных форм управления обществом. Эту фазу Гордины делили на два этапа: «социотехнически-экспериментальный» (социальное экспериментирование в свободных от государства организациях) и «социотехнически-реализаторский» (социальная революция) [14, с. 1; 15, № 7, с. 3; № 8, с. 3].

Анархо-синдикалисты ориентировались на деятельность в рабочих организациях с целью развития классовой борьбы и строительства новых экономических отношений. Так, Союз анархо-синдикалистской пропаганды (САСП) придерживался концепции «переходного периода», в 1915–1916 гг. сформулированной Л. И. Фишелевым. В «Декларации» САСП утверждалось, что итогом революции станет «создание общественного строя, который естественно и сравнительно безболезненно будет

эволюционировать в направлении к полному осуществлению анархо-коммунистического идеала» [16, с. 1]. Считалось, что его основой станет федерация территориальных общин и производственных объединений трудящихся. Политическую систему реорганизуют Советы. Социализацию земли и производства, управление экономикой возьмет на себя Всероссийский союз организаций производителей, объединяющий крестьянские комитеты и фабрично-заводские комитеты (ФЗК) [16, с. 1; 35, с. 2].

Октябрьский переворот был с сочувствием встречен анархистами-коммунистами и частью анархо-синдикалистов, поддержавших ряд социально-экономических преобразований большевиков, в том числе — «Декрет о земле», давший санкцию на экспроприацию крестьянами помещичьих владений [18, с. 1]. Усилил он и надежды на воплощение в жизнь идеалов анархического коммунизма. На эту перспективу был нацелен изданный в ноябре 1917 г. «Манифест Московской Федерации Анархических групп». Для реорганизации экономической жизни страны предполагалось объединить ФЗК и крестьянские союзы «снизу вверх на федеративных началах» в областные и всероссийский «Союзы Труда», возглавляемые «экономическими советами» и Всероссийским Советом Труда (ВСТ). В их ведение перешло бы управление экономикой. Предполагались отмена обесценившихся денег, установление натуральной оплаты труда, реквизиция торговых предприятий, учет сельскохозяйственной продукции и товаров. Снабжением населения должны были заняться ФЗК и домовые комитеты. В области сельского хозяйства признавались индивидуальной, коллективной и общинной уклады. Манифест признал власть Советов на период формирования новой системы. Им предстояло создать ВСТ, провести намеченные в «Манифесте» меры [1, с. 66–68].

В ряде вопросов «бунтари» были готовы к компромиссам. Так, признавалось возможным использовать государственные банки для обеспечения льготного кредита под залог продукции предприятий, превращенных в «рабочие артели» [2, с. 2]. Появились предложения по замене денежных знаков на квитанции с определением на основе трудовых часов цен на товары и услуги [17, с. 1]. В области борьбы с безработицей предлагалось введение трудовой повинности при общем сокращении рабочего дня до 4–6 часов, освобождении безработных от платы за жилье, наделении их квартирами. Для предотвращения голода предполагалось конфисковать продукты питания и промышленные товары и распределять по трудовым карточкам [19, с. 1; 21, с. 3]. Часть «бунтарей» даже приняла идеи «переходного периода», сомневаясь, что при распаде экономической системы удастся реализовать программу анархического коммунизма. Так, в марте 1918 г. Ковалевич утверждал, что объединившись с профсоюзами в Российскую федерацию производителей и потребителей, Советы реорганизуют управление экономикой на началах самоуправления и федерализма. При этом, лишь

постепенно будет устранена «властность» и ликвидирована частная собственность [20, с. 2].

Несколько особое место среди анархистских теоретиков занимал Ф. М. Неусыпов. В декабре 1917 г. он сформулировал концепцию «единого анархизма», допускавшую сосуществование различных безвластных моделей общества [27, с. 2–3]. Неусыпов полагал, что «переходно-революционный процесс» приведет к образованию на месте Российской империи Всероссийского Политического Союза Федеративных Республик, состоящих «из групп автономных штатов» [29, с. 91]. Этот процесс он попытался продемонстрировать на примере Уральского казачьего войска. Казачью автономию Неусыпов предлагал строить, как федеративный союз автономных станиц, управляемый по системе делегирования и прямой демократии [29, с. 98–101]. Реорганизация экономической жизни предполагалась на основе уже имеющейся сети кооперативов [28, с. 112–113, 116].

Из анархистов-коммунистов наиболее подробную программу «переходного периода» представил А. М. Атабекян, предлагавший временно сохранить рыночные отношения. ФЗК, Советы и домовые комитеты должны были стать основой переходной системы самоуправления. Он идеализировал Советы, веря в их потенциал для подготовки предпосылок либертарно-коммунистической революции. Главную же роль в преобразованиях должна была принадлежать домовым комитетам. Предполагалось, что они возьмут в свои руки организацию безопасности и снабжения горожан продуктами. Государство сохранялось, но его функции перешли бы в руки общественного самоуправления. Социализированный сектор экономики (управляемые профсоюзами промышленные предприятия, находящаяся в ведении домовых комитетов городская недвижимость, перешедшие в руки коллективов рабочих и батраков крупные поместья) должен был сосуществовать с традиционным для России общинным землепользованием, хуторскими и ремесленными хозяйствами [3, с. 31–33, 96, 103–104, 106–107, 110–112, 114–119, 121, 125].

Лидеры САСП предполагали, что преобразования будут проводить рабочие организации, вытесняя государственные структуры из сферы общественной жизни. Так, решать продовольственную проблему следовало путем социализации торговли, изъятия продуктов питания из торгового оборота и их распределения через кооперативы. Решение жилищного вопроса анархо-синдикалисты видели в социализации жилья и распределении домовыми комитетами квартир среди нуждающихся. Федерация домовых комитетов управляли бы городским хозяйством и регулировали потребление. ФЗК, объединившись в отраслевые и межотраслевые союзы, должны были управлять промышленными и транспортными предприятиями. Органами управления стали бы общие собрания трудового коллектива, жителей дома и квартала, а также — избираемые для взаимодействия советы делегатов. Функции

межотраслевой координации переходили бы к Всероссийскому рабочему съезду представителей рабочих организаций. Конфискованные банковские капиталы передавались созданному для кредитных операций «Рабочему банку». ФЗК должны были наладить продуктообмен заводов с крестьянскими хозяйствами и центрами добычи природных ресурсов. Впоследствии товарообмен и организация общественного питания перешли бы к рабочей кооперации. Для преодоления безработицы предлагалась организация общественных работ, преимущественно — для ремонта транспортных средств. Решение аграрного вопроса лидеры САСП видели в социализации земли, организации ее обработки на коллективных и общинных основах при распределении сельскохозяйственной продукции «по едокам». Административные функции должны были перейти к волостным, уездным, губернским и областным крестьянским советам. Профсоюзы сохраняли функцию социальной защиты населения. Организация учреждений образования и культуры становилась задачей культурно-просветительных организаций рабочих и крестьян. Лидеры САСП полагали, что органы самоуправления возьмут на себя подавление контрреволюции и изымут полицейские функции у государства [8, с. 1–2; 9, № 21, с. 1; № 22, с. 1; № 24, с. 1–2; 10, с. 2; 12, с. 52; 25, с. 2; 31, с. 3].

Разоружение анархистских отрядов, прошедшее весной — летом 1918 г., усилило оппозиционные к большевикам настроения в рядах движения. Обращая внимание на силы, которые стали бы противиться диктатуре, анархисты пытались увязать свои требования с интересами крестьянства. Так, В. Бармаш подверг критике деятельность большевиков в области снабжения горожан продовольствием, предложив передать закупку хлеба кооперативам, разрешить свободную перевозку хлеба. Предлагал он также ввести распределение продовольствия по удостоверениям, выданным ФЗК и др. общественными организациями. Установление же цен на продукты питания должно было стать прерогативой производителей и покупателей, но при контроле местных Советов [5, с. 2].

Весной — осенью 1918 г. в анархистском движении усилилось влияние сторонников политики РКП(б), получивших наименование «советских анархистов». Воспринимая большевистскую диктатуру, как меньшее зло по сравнению с победой белогвардейцев, «советские анархисты» выражали надежды на эволюцию советской системы на основе самоуправления. Предполагалось, в частности, что ее итогом станет переход к революционно-синдикалистской модели общества [6, с. 3]. Так, Я. И. Кирилловский предполагал, что Советы постепенно превратятся в центры, координирующие деятельность «экономических организаций» [30, с. 3]. Некоторые из лидеров движения, как А. и В. Гордины перешли к поддержке РКП(б), признав прогрессивным явлением проведенную СНК национализацию промышленности и торговли. Теоретики пананар-

хизма теперь утверждали, что «социалистический порядок — это преддверие к анархическому порядку», «этап к Анархии» [1, с. 199, 201–203, 205–206]. На позиции «советского анархизма» перешли и многие активисты Всероссийской Федерации анархистов-коммунистов (ВФАК) во главе с А. А. Карелиным. «Карелинцы» апеллировали к советскому государству, предполагая использовать его для проведения социальных преобразований. Так, в своем выступлении на V Всероссийском съезде Советов, 9 июля 1918 г., Карелин поддержал создание комбедов, продотрядов, введение хлебной монополии государства и твердых цен на хлеб. При этом он предлагал разрешить Советам регулировать цены, чтобы крестьяне могли покрыть свои расходы. Также Карелин призвал власти снабдить деревню орудиями труда и лошадьми [34, с. 2]. Также активисты ВФАК предлагали силами государства ликвидировать церковь, закрыть храмы и конфисковать церковные богатства, направив их «в фонд усиления средств по народному просвещению» [7, с. 2].

Осенью 1918 г. проходит ряд форумов анархо-синдикалистов, зафиксировавших некоторые изменения в планах преобразований. Так, 26 августа — 16 сентября 1918 г. Первая Всероссийская конференция анархо-синдикалистов приняла «Резолюцию о текущем моменте». Предлагалось создавать вольные советы рабочих и крестьянских депутатов, отказаться от продовольственной монополии государства, передав товарообмен «в руки пролетарско-крестьянских организаций». Был выдвинут лозунг «коммунальной и синдикальной революции», предполагавший «переходный период» [37, с. 3]. Резолюция же меньшинства призывала к борьбе за социальную революцию и отвергла лозунг диктатуры пролетариата. Меньшинство предлагало решить вопрос о снабжении населения «добровольным свободным соглашением между крестьянством, с одной стороны и рабочими экономическими и потребительскими организациями с другой» [37, с. 3]. В ходе конференции на почве вопроса о сотрудничестве с большевиками произошел раскол в САСП. Вышедшие из него активисты образовали группу «Вольный Голос Труда» (ВГТ), настроенную резко критически по отношению к большевикам. Ее сторонники обвинили РКП(б) в извращении выдвинутых трудящимися задач революции [30, с. 1]. Следуя концепции Фишелева, ВГТ поддержал модель «переходного периода». Так, Г. П. Максимов, идеолог «Вольного Голоса Труда» выступил за «Республику автономных Советов» [24, с. 1; 26, с. 1]. Эта позиция была признана большинством I Всероссийской конференции анархо-синдикалистов (Москва, 25 августа — 1 сентября 1918 г.) [30, с. 1].

25 ноября — 1 декабря 1918 г. в Москве прошла II Всероссийская конференция анархо-синдикалистов. Цель нового этапа революции в России обозначалась, как «устранение <...> от власти политической партии и возобновление самостоятельного, экономически классового и беспартийного строи-

тельства массами как своих органов, так и всей хозяйственной и общественной жизни» [1, с. 279–281]. На этой конференции наметились серьезные разногласия между различными фракциями анархо-синдикалистов. Прежде всего, по признанию одного из ее участников, спор вызвало определение «переходного периода» [28, с. 28]. Позицию «советского анархизма» на этой конференции заняли оказавшиеся в меньшинстве сторонники «Союза анархо-синдикалистов «Голос труда»». Его сторонники сочли необходимым «признать советскую власть, защищать ее, помогать ей» поддержав большевиков в строительстве «новой жизни». Борьбе с режимом РКП(б) противопоставлялась стратегия участия «во всех проявлениях созидания и творчества» в сфере хозяйственной и культурно-просветительской деятельности [1, с. 283–285]. В оппозиции «Вольному Голосу Труда» оказалась и Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп. Ее активисты утверждали, что Ленин и большевики эволюционируют «через государственный коммунизм — к коммунизму безвластному — анархизму» [29. № 1, с. 16]. Существующая же в РСФСР форма государства, указывали они, «содержит в себе самой зачатки самоуничтожения». Сторонники этой позиции провозглашали, что при поощрении большевиками свободы строительства экономических структур безвластного общества, анархисты не будут выступать против них [29. № 2, с. 14].

Летом — осенью 1918 г. произошло объединение украинских анархистов вокруг Инициативной Группы анархистов Украины «Набат» (ИГАУ), ведущим идеологом которой стал Всеволод Михайлович Волин (Эйхенбаум). На конференции, проведенной ИГАУ 12–16 ноября 1918 г. была создана Конфедерация Анархистов Украины «Набат» (КАУ) в составе 12 анархо-коммунистических и анархо-синдикалистских организаций. Конференция предлагала анархистам ориентироваться на создание «Советов рабочих и крестьянских экономических организаций», формируемых на основе созданных самими трудящимися фабрично-заводских комитетов, коммун, рабочих и крестьянских союзов. Это означало следование стратегии, провозглашенной теоретиками САСП еще летом — осенью 1917 г. [32, с. 5–8, 16, 19, 27]. Но теперь идеологи «Набата» отказались от идеи «переходного периода», утверждая: «ни о какой «переходной стадии» между «разрушенным капитализмом» и «анархическим строем» не может быть и речи» [32, с. 15]. Так, в воззвании «К товарищам», подписанным в ноябре 1918 г. Секретариатом КАУ «Набат», высказывалась мысль, что разочарование украинских рабочих и крестьянства итогами «второй революции» породило надежды на то, «что грядущая революция на Украине сразу же может направиться по пути беспартийно-массового народного творчества и сразу же может превратиться в революцию социальную, долженствующую создать анархо-коммунистический строй» [32, с. 4]. Итогом преобразований должно

было стать создание федерации городских и сельских коммун. В отличие от ВГТ, в вопросе о преобразованиях на селе «Декларация» КАУ защищала «коммунизацию». Предполагалось обобществление земли и орудий труда, создание коммун. В процессе преобразований ставка делалась на сельскую бедноту. Зажиточное крестьянство подлежало экспроприации [32, с. 4, 14, 15, 21].

Динамичный социально-политический процесс, характерный для России 1917 г., заставил анархистов разрабатывать модели преобразований. Впервые в истории нашей страны был на практике поставлен вопрос о воплощении в жизнь анархистской программы. В этой ситуации возникает несколько моделей социально-экономических преобразований. Предполагались два основных пути: непосредственное движение к безвластному обществу и политика «переходного периода». Модель, предлагавшаяся П. А. Кропоткиным, расходится с этими вариантами, поскольку означала проведение преобразований, создававший лишь весьма отдаленные предпосылки для анархического коммунизма. Сторонники всех моделей в качестве основного средства социальных преобразований рассматривали организации трудящихся, возникшие в ходе развития революции в 1917–1918 гг. Федерация структур общественной самоорганизации должна была стать основой безгосударственного общества самоуправления. Эти взгляды отражали объективный рост классового самосознания трудящихся (рабочих, крестьянства, трудовой интеллигенции и трудового казачества) и реализации ими собственных социально-экономических интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анархисты: Документы и материалы, 1883–1935 гг.: В 2 т. / Гос. архив Рос. Федерации; Редкол.: ... Шелохаев В. В. (отв. ред.); Сост., автор предисл., введения и комм. В. В. Кривенький. — М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998. — Т. 2: 1917–1935. — 1999. — 592 с.
2. Анархист-Коммунист: Письмо товарищам-рабочим // Буревестник. № 1, 11 ноября 1917. С. 1–2.
3. Атабекян А. М. Против власти / Сост., предисл. и коммент. А. В. Бирюкова. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. — 176 с. (Размышляя об анархизме).
4. Бармаш В. В. И вновь... ложь и обман // Анархия. № 4, 2 октября 1917. С. 2.
5. Бармаш В. В. Хлеба нам, хлеба // Анархия. № 71, 29 мая 1918. С. 1–2.
6. Боровой А. А. К бодрости! // Жизнь. № 1, 28 (10) апреля 1918. С. 3.
7. Виталий. Церковь и революция // Анархист. № 1, 20 сентября 1918. С. 2.
8. Волин [Эйхенбаум В. М.] Вторая революция // Голос труда. № 13, Пятница, 3 (16) Ноября 1917 г. С. 1–2.
9. Волин [Эйхенбаум В. М.]. Грядущие задачи // Голос труда. № 22, 9 (20) декабря 1917. С. 1; № 24, 23 декабря 1917 (5 января 1918). С. 1–2.
10. Волин [Эйхенбаум В. М.]. Как быть? // Голос труда. № 19, 18 (1) декабря 1917. С. 2.
11. [Эйхенбаум В. М.] Неизбежное началось // Голос труда. № 133, April 13. 1917. С. 1.
12. Волин [Эйхенбаум В. М.] Революция и анархизм: (Сб. статей). — Б. м.: Изд-е Конфедерации «Набат», 1919. — 82 с.
13. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 733. — 55 л.
14. Бр. Гордин. Основные начала пананархизма // Безначалие. № 1, 25 октября 1917. С. 1.
15. Бр. Гордины. Пять идеалов пананархизма // Буревестник. № 7, 18 ноября 1917. С. 2–3; № 8, 19 ноября 1917. С. 3.
16. Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропанды // Голос труда. № 1, Пятница 11 (24) августа 1917. С. 1.
17. Дубровский А. Уничтожение денег // Анархия. № 39, 9 апреля 1918. С. 1.
18. Карелин А. А. Петроград, 12 ноября 1917 г. // Буревестник. № 2, 12 ноября 1917. С. 1.
19. Ковалевич К. Безработица и голод // Анархия. № 15, 10 марта 1918. С. 1.
20. Ковалевич К. Вопросы дня // Анархия. № 69, 26 мая 1918. С. 2.
21. Ковалевич К. Что делать? // Анархия. № 10, 3 марта 1918. С. 3.
22. Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения / Вступ. ст., сост., комм. М. А. Тимофеева. — М.: ЗАО Изд. ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. — 864 с. — (Серия «Антология мысли»).
23. Кропоткин П. А. Избранные труды / Ин-т общественной мысли; [сост. П. И. Талеров, А. А. Ширинянц]. — М.: РОССПЭН, 2010. — 896 с.
24. Григорий Лапоть [Максимов Г. П.] Да здравствует коммунальная революция // Вольный Голос Труда. № 2, 2 сентября 1918. С. 1.
25. Максимов Г. П. К чему стремятся анархо-синдикалисты // Голос труда. № 24, 23 декабря 1917 (5 января 1918). С. 2–3.
26. Гр. Лапоть [Максимов Г. П.] Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. Нью-Йорк. 1919. — 12 с.
27. Марк Вольный [Неусыпов Ф. М.] Единая платформа анархизма // Буревестник. № 32. 20 декабря 1917. С. 2–3.
28. Неусыпов Ф. М. Организация безденежного кооперативного товарообмена // Революционное творчество. № 1–2, январь — февраль 1918. С. 112–116.
29. Неусыпов Ф. М. Основы и формы организации автономии Уральского Казачьего Войска // Революционное творчество. № 1–2, январь — февраль 1918. С. 91–101.
30. Новомирский [Кириловский] Я. И. Республика советов // Жизнь. № 1, 28 (10) апреля 1918. С. 3.
31. Павлов Н. В чем выход? // Голос труда. № 4 (28), 28 января 1918. С. 2–3.
32. Первая конференция анархистских организаций Украины «Набат». Декларация и резолюции. Б. м. Ноябрь 1918. — 23 с.
33. Прямо к цели // Коммуна. Май 1917 г. № 3. С. 1–2.
34. 5-й Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов. Стенограмма заседания 9-го июля // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. № 139 (403), 6 июля 1918 г. С. 2–3.
35. Раевский М. [Фишелев Л. И.] Роль Советов Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> в революции // Голос труда. Пятница 11 (24) августа 1917. № 1. С. 2.
36. Революция и ее задачи // Коммуна. № 1, 17 марта 1917 г. С. 1–2.
37. Резолюция о текущем моменте // Вольный голос труда. № 3, 9 сентября 1918. С. 3.
38. Семенич. О первой конференции анархистских организаций Украины «Набат» // Вольный труд. № 1, 23 ноября 1918. С. 26–28.
39. Топтыгин М. Наша позиция // Вольный труд. № 1. 23 ноября 1918. С. 16, Вольный труд. № 2, 21 декабря 1918. С. 14–17.
40. Чекерес М. [Доленко Н. И.]. Наша позиция // Вольный голос труда. № 1, 26 августа 1918. С. 1.